

УДК 94(47)"1930/1950"

doi 10.17072/2219-3111-2019-4-74-84

АГРЕГАТНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹

А. И. Казанков

Пермский государственный институт культуры, 614000, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 18
tokugava2005@rambler.ru

О. Л. Лейбович

Институт истории и археологии УрО РАН, 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
oleg.leibov@gmail.com

Рассматриваются методологические проблемы исследования советской повседневности в 1930 – 1950-е гг. В первую очередь анализируется генеалогия концепции повседневности А. Щютца, П. Бергера, Т. Лукмана. В рамках их концепции повседневность выделяется из областей конечных значений и наделяется статусом высшей реальности. Такой образ повседневности мог сложиться только в условиях прочно утвердившегося буржуазного уклада, подвергнутого интервенции со стороны государства в эпоху войн и революций. Именно поэтому концепт повседневности служил для апологии приватной сферы как источника рациональности, традиции, осмысленности и стабильности. Эта концепция в случае использования для характеристики советской повседневности нуждается в ревизии. В советском обществе после краха НЭПа приватное пространство последовательно сворачивается. Тем самым кардинальным образом реструктурируется пространство повседневной жизни. Смысл перемен видится в том, что разворачиваются два дополняющих друг друга процесса: опубликование интимно-личного и доместикация больших социальных институтов. Приводятся иллюстрации ситуативности и произвольного сочетания гетерогенных социальных практик. Предлагается рассматривать повседневность сталинской эпохи как расширенную, в своем наиболее адекватном определении – агрегатную. Формулируются методологические принципы, выводимые из этой дефиниции. Первый адресован исследователям повседневности: ее анализ распространяется на изучение больших социальных институтов. В меру их одомашнивания они становятся частью обыденных рутин далеко не всегда рационального типа. Второй принцип адресован приверженцам институционального подхода к изучению советской действительности. Он предполагает необходимость включения в исследовательские практики изучения того, что было внесено в их функционирование элементами традиционных или архаических культур: трайбализмом, непотизмом, клановостью, патернализмом и пр.

Ключевые слова: советская эпоха 1930 – 1950-х г.г., большие социальные институты, обыденные практики, агрегатная повседневность, исследовательские стратегии, принципы изучения.

Замысел этой статьи родился после академической дискуссии, в которой авторам довелось поучаствовать. Спорили о возможности описания крупного индустриального объекта сталинской эпохи в терминах концепции повседневности. В ходе полемики наши оппоненты ссылались на большую историческую традицию [Dunham, 1976; Fitzpatrick, 1979; Rittersporn, 1991; Берендс, 2015; Волков, 1997; Козлов, 2005; Лебина, 1999; Орлов, 2010; Пушкарева, 2004; Чегодаева, 2001]. Традиция определенно исключала завод из сферы повседневного, поскольку основоположники историографии сталинской эпохи, написанной с позиции «маленького человека», ассоциировали повседневность с «маленькими делами массовидных акторов» [Козлова, 2005]: обустройством быта, досуга, потребительскими практиками, интимно-домашней жизнью, модой, едой, телесностью.

Типичное представление о повседневности в сталинскую эпоху формулируется так: «Люди рождались, жили – по крайней мере, до поры, до времени – в своих квартирах, умирали – случалось – в своих постелях, горевали и радовались, на что-то надеялись, к чему-то стремились. Эта повседневность, для большинства советских людей трудная, бедная, неустроенная, с

убогим коммунальным бытом, с обычными житейскими заботами, составляла основной пласт существования, в том числе существования искусства» [Чегодаева, 2001, с. 21]. Отметим, что эта тематизация повседневности не содержит, например, таких рубрик как «работали», «служили», «участвовали в собраниях», «ходили на выборы» и т.д. Собственный исследовательский опыт авторов позволял предположить, что такое сужение сферы повседневности применительно к сталинской эпохе себя не оправдывает [Казанков, 2016, Лейбович, 2009].

Вместе с тем участники дискуссии сошлись во мнении, что советская повседневность является одной из наиболее обсуждаемых тем современной историографии².

Нам уже приходилось высказываться на страницах этого журнала об эвристическом потенциале концепта повседневности для исторического знания [Казанков, Лейбович, 2017, с. 82–88]. В настоящей статье мы предлагаем вернуться к вопросу о применимости указанного концепта к исследованиям советского общества 1930–1950-х гг.

Поставленная перед нами задача аналогична той, которую на ином историческом материале решил Н. Элиас, продемонстрировавший культурогенез понятия «культура» (см. [Элиас, 2001]).

Необходимо прояснить социокультурную ситуацию, в которой складывались основы общепризнанной концепции повседневности А. Шютца, П. Бергера и Т. Лукмана [Шютц, 2003; Бергер, Лукман, 1995]. Напомним, что принципиально важной для нее является оппозиция сфер повседневной жизни и так называемых «конечных областей значения». По А. Шютцу эти области выступают «анклавами» в мире повседневной реальности. Речь идет о религии, научном теоретизировании, художественном творчестве, политике, индустрии и т.п. Осуществляемые в этих областях практики выходят за пределы обыденных рутин, естественных норм; они подчинены внешним, внеличностным правилам. Подобно мистическому опыту, эти практики не поддаются внятному описанию на языке повседневной коммуникации – возникают «трудности перевода».

В ядре теоретической модели повседневности можно обнаружить тем самым вполне сформировавшуюся смысловую сцепку двух понятий: повседневности и приватности как своего рода высшей реальности, непосредственно окружающей всякого живого человека. Едва ли можно выяснить, относилась ли эта идея к замыслу создателей концепции, но природа этой связи нуждается в интерпретации.

Область конечных значений в свою очередь выступает метафорой больших социальных институтов, расположенных в публичном пространстве. Зададимся вопросом: с какой позиции человеческая ситуация выглядит именно так? Вероятнее всего, этот взгляд принадлежит европейскому интеллектуалу, пребывающему в культурном шоке от социальных катаклизмов XX в. Основатели концепции (А. Шютц, П. Бергер, Т. Лукман) – эмигранты, в разное время покинувшие опустошенную войной Европу. Апология мирной, рациональной, понятной повседневности, обнаруживаемая в их работах, отнюдь не случайна. Она явилась следствием реальной агрессии идеологии, политики и экономики в пространство приватной жизни, проблематизировавшей то, что казалось устойчивой нормой.

Французский социолог Ж. Баладье, принадлежавший к феноменологической школе, указывал на то, что в своей повседневной жизни индивид или малая группа всегда оппонируют глобальному обществу³. В первые десятилетия XX в. ситуация была такова, что стратегический перевес был явно на стороне именно глобального общества. В приватное пространство вновь после полуторавекового перерыва вторгся Левиафан, детально описанный в XVII столетии Т. Гоббсом. Его возвращение вызвало шок у европейских интеллектуалов, воспитанных в либеральной традиции (см. [Филиппов, 2009, № 2, с.141–157; Филиппов, 2009, № 4, с.158–172]).

Вероятнее всего, та повседневность, которая была для них самоочевидной, естественной и даже банальной, формировалась как особенная, конкретно-историческая социальная конфигурация в интервале между последними десятилетиями XVIII столетия и первыми годами века XX. Попытаемся ее представить.

Прежде всего речь идет о признанном, институционализированном разграничении общественного пространства на публичное и частное. Даже сам тип доминирующих социальных связей в них четко различался. В публичном пространстве преобладали деперсонализированные, формализованные отношения, подчиняющиеся «законам и уложениям». Приватное простран-

ство основывалось на личных связях. Каждый гражданин (или подданный – не имеет значения) прекрасно ощущал, даже если не мог сформулировать этого вслух, границу между семейным и приятельским кругом и присутственным местом – будь то парламент или казенная палата. Еще недавно, в конце XVIII в., для парижских интеллектуалов «...частное и общественное не были четко разграниченными категориями и образовывали континуум, перетекая друг в друга» [Maza, 1993, p.320]. Спустя сорок лет русский дворянин твердо знал, что «без тайны нет семейственной жизни»⁴.

Осталось назвать тех скромных героев, которые в упорной борьбе завоевали право на неприкосновенность личности и жилища, тайну переписки, коммерческую тайну – на все то, что конституировало повседневность как приватную сферу, экранированную от властных инициатив, идеологического дискурса, социальных битв и пр. В Европе их называли третьим сословием или средним классом, а точнее – буржуазией. Таким образом, генеалогия концепции повседневности носит ярко выраженный буржуазный характер. В том виде, в каком она сложилась, эта теория необходимо предполагает именно такие социокультурные условия.

Глорификация буржуазной повседневности как «высшей реальности» была вызвана именно тем, что в эпоху войн и революций она подверглась разрушительному воздействию как со стороны масс, так и со стороны государства. Понадобилось напомнить, что именно повседневность является основой и местом локализации рациональности, культурной преемственности и, если совсем честно, осмысленного человеческого существования.

Уместно поинтересоваться тем, работает ли концепция повседневности при описании обществ, где буржуазный уклад либо не сложился, либо был целенаправленно и последовательно разрушен? Разумеется, речь идет, в первую очередь, о советской России в 1930–1950-е гг. После свертывания НЭПа область приватности советских людей, подобно шагреневой коже, постоянно сжималась. Властные инстанции вмешивались в самые интимные уголки человеческой жизни. В литературе, а ранее в городской молве, можно обнаружить апокриф, как И.В. Сталин в годы войны разрушил любовный треугольник, который образовали маршал, поэт и актриса. Он вызвал к себе военачальника и задал вопрос о том, чьей женой является артистка С. Маршал отрапортовал: поэта С. «Вот и я так думаю», – ответил Сталин [Мудрова]. Треугольник распался. Актриса вернулась к поэту. Вождю было правильно поставить вопрос, чтобы герой-любовник отказался от своих притязаний.

В партийной практике вмешательство в личную жизнь происходило грубее и проще. В большевистский язык прочно вошла формула: от партии тайн нет, в том числе тайны семейной жизни. В протоколе заседаний партийного бюро Управления внутренних дел по Молотовской области читаем: «Нас партия учит, что мы должны вмешиваться в личную жизнь члена КПСС» (Протокол №30..., 1953, л.157). И, естественно, вмешивались. В решение бюро Ленинского райкома КПСС г. Молотова записали отдельным пунктом: «Обязать т. Я-ва немедленно вернуться в семью и наладить отношения с женой, предупредить его, что если свой семейный вопрос он не урегулирует, вопрос будет поставлен о его партийности» (Протокол №3..., 1953, л. 90). Заметим, что для обсуждения вопроса требовалось заявление одного из супругов или хотя бы сигнал со стороны соседей и сослуживцев. Появление с «посторонней женщиной» в публичном месте было знаком семейного неблагополучия⁵.

На заседаниях партийного бюро с большевистской прямотой спрашивали: «Ночевать остались вместе с В-ой и спали вместе?», а затем в протокол записывали ответы: «Ночевать остались, но спали с В-ой отдельно»; «были у Смирнова вместе и спали тоже вместе, т.к. они знали, что я живу с Р-ым, и не стеснялись нас» (Протокол №6..., 1951, л.53).

Обобществление быта в бараке, в кухне на несколько семей, в рабочем общежитии, в коммунальной бане стало фактом. Со временем люди привыкли жить нараспашку. «Двери в нашу комнату мы не закрываем, они всегда открыты, и соседи всю нашу жизнь видят», – доказывал свою добропорядочность офицер МВД (Протокол № 10..., 1956, л. 40–41).

В соответствии с установившимися правилами члены семьи должны были обращаться в партийный коллектив, чтобы он помог справиться с возникшими трудностями: призвать к порядку загулявшего мужа или скандальную жену, взять под внешнюю опеку вышедших из-под контроля детей. «Я хотел, чтобы кто-либо из членов бюро систематически посещал мою квартиру и оказывал влияние на моего сына, т.к. меня он не слушает», – с такой просьбой обратился

взрослый мужчина в партийную организацию. Партийное бюро просьбу уважило и предложило одному из своих членов «...посещать квартиру т. С-на и оказать ему помощь в воспитании его сына» (Протокол №9..., 1960, л. 81).

При обращении к изучению такой социокультурной ситуации было бы некорректно рассматривать ее в дихотомии публичной и приватной жизни (см. [Зубкова, 2011]). Личная жизнь советских людей воспринималась не только властями, но и сознательными гражданами как неотъемлемая часть жизни общественной, т.е. открытой для надзора и со стороны партийно-государственных институтов, и со стороны малой публичности. Торжествовала идея паноптикума: «Соседи всю нашу жизнь видят».

Поставим вопрос: означает ли «свертывание» приватности неприменимость концепта повседневности для изучения советской жизни, либо необходимость представить ее новый вариант, адекватный небуржуазному общественному укладу. В таком случае исследователям предстоит отказаться от жесткого противопоставления областей конечных значений «очеловеченной» повседневности и искать проявления таковой не столько в частной жизни советских граждан, сколько в их производственной, политической, идеологической активности, опривыченной, освоенной, одомашненной.

С одним из таких проявлений хорошо знакомы исследователи позднего социализма. Речь идет о феномене, так и не получившем адекватного названия, в отличие от людей, в него вовлеченных. Имеются в виду так называемые «несуны» – мелкие расхитители заводского имущества:

«"Несун" в советской культуре – это человек, который использует в личных целях общественные средства производства и присваивает социалистическую собственность. В последнем случае его деяния могут квалифицироваться уголовным и гражданским кодексами как хищение, однако действия «несуна» этим не ограничиваются. К тому же многие из них настолько малы, что практически незримы, или, лучше сказать, не могут быть подвергнуты количественному подсчету (в минутах, часах, рублях, единицах энергии)» [Смоляк, 2012, с.318].

Явление это возникло не в десятилетия позднего социализма. В 1940-е гг. были приняты законы, предусматривающие, а затем и ужесточающие уголовную ответственность работников социалистических предприятий за мелкие хищения⁶.

Здесь мы сталкиваемся с явлением, более сложным, чем преступное поведение отдельных лиц. В нем обнаруживается прежде всего отношение работника к предприятию как к чему-то, принадлежащему не только государству, но и в какой-то степени ему самому. На заводе он находится как дома: в окружении близких, едва ли не родни, во всяком случае, понятных ему людей; он может воспользоваться квалификацией, заготовками, инструментом, или дружескими связями, чтобы изготовить нужное в хозяйстве приспособление, хоть финский нож, чтобы чувствовать себя в безопасности на неосвещенных улицах, или вынести через проходную плохо лежащую вещь для себя или для обмена (см.: [Кабачков, 2015, с. 183–192; Лейбович, 2017, с. 114–135]).

Напомним, что трудовая активность на современном предприятии отнюдь не относится к приватной жизни. Советский рабочий, однако, практически ее одомашнивал, подчинял сложившиеся правила личным или групповым интересам.

Такую же процедуру производили и люди творческие, и люди казенные – государственные служащие. Мы разделяем мнение Г.А. Янковской о том, что «советские художники переиграли идеократический режим. Они профанировали идеологию, неплохо на ней зарабатывая» [Янковская, 2007, с. 234].

Точно так же поступали и чиновники, обращавшие свои должностные полномочия себе на пользу. Так, начальник областного управления милиции стыдил своего подчиненного, купившего яблоки по разрешению директора базы:

«Тов. С-н, мне кажется, что мы обсуждаем не потому, что вы хотите кушать, а вот способ их приобретения, оно похоже на поборничество, т.е. использование служебного положения. Ведь если бы они не знали, что Вы работник ОБХСС, вам бы, конечно, ничего не дали» (Протокол №15..., 1955, л. 115).

Партийное руководство пыталось противодействовать домашним практикам в администрировании, боролось с индивидуальным шефством, выносило взыскания за «коллективные по-

пойки» членов партийного бюро, «что создает затхлую обстановку в бюро райкома, порождает беспринципность и безответственность и не способствует развертыванию критики недостатков в работе» (Протокол №32..., 1953, л. 21). Впрочем, это очень мало помогало. Дача в Кунцево, куда Сталин приглашал своих ближайших на тот день сотрудников, была реальным центром власти, а не кремлевский кабинет. И основные решения принимались так называемой «четверкой» (Г.М. Маленков, Н.А. Булганин, Л.П. Берия, Н.С. Хрущев), а вовсе не политбюро в его полном составе (см. [Fitzpatrick, 2015, p. 197–223]). Эти же люди были постоянными участниками сталинских застолий. Зачастую важные управленческие вопросы в центре и на местах решались за обеденным столом, вперемешку с обильными возлияниями, по-домашнему. Начальник областного управления милиции в г. Молотове, в недалеком прошлом высокопоставленный офицер МГБ, возмущался тем, что к сотрудникам городского угрозыска «...нельзя было даже заходить в кабинет, слышны одни грубости, всегда тащит водкой» (Протокол №1..., 1952, л. 24). Служебная речь была насыщена площадной бранью, обиходными выражениями, уместными разве что в уличных склоках⁷.

Происходило опрошение служебных отношений. При обсуждении персонального дела офицера, больного алкоголизмом, вспомнили, что «он, работая во 2-ом отделении милиции, принимал людей, а сам в руке держал стакан водки» (Протокол №1..., 1952, л. 19).

Если рабочий тащил с хлебозавода буханку, спрятанную под одежду, то начальник поступал иначе. Пользуясь своим служебным положением, он домогался алкоголя, или фруктов, а в некоторых случаях требовал угождать собственным капризам: «Сын начальника пересыльной тюрьмы т. И-ва познакомился с девушкой, и она отцу не понравилась, и он росчерком пера приказал выселить эту девушку из г. Молотова» (Протокол №5..., 1953, л. 144). Заметим, что такую власть начальнику тюрьмы ни МВД, ни обком партии не предоставлял. Тем не менее он, как выяснилось, мог воспользоваться своими связями в милицейском сообществе и выпросить для себя эту услугу. В ином случае и выпрашивать было не нужно. Ответственные работники просто брали все, что положено по обычаю⁸.

В обществе, где согласно идеологической доктрине происходило преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, на самом деле, набирал силу совсем иной процесс: стирание граней между домом и службой, между баракком и цехом. Речь шла о взаимопроникновении бытовой и казенной (партийной, государственной, колхозной) культур. В семейный обиход внедрялись публичные ритуалы: портреты вождей на стенах, тосты за товарища Сталина на домашних торжествах. «Система ритуальных действий впиталась с младенчества: тело и душа сами знали, что делать: когда вскинуть руку в салюте, когда подпеть гимн, когда промолчать, когда прокричать “ура”» [Аннинский, 1989, л. 55]. Область конечных значений в ее идеологическом (языковом) облике проникала в сферу личных отношений. Однако доминировала в этом процессе иная, противоположная тенденция – обытовление, одомашнивание больших социальных институтов. Даже присутственные места, казалось бы, нуждающиеся в особой организации пространства, требующие регламентированного поведения, в действительности напоминали убогие барачные помещения. Так, на партийном собрании офицеры МВД обсуждали работу ведомственной больницы и, как водится, указывали на отдельные недостатки:

«Специальной комнаты для зондирования нет, а зондирование проходит в лаборатории, причем это поручено техничке Нюре, которая ложит тебя на топчан, дает зонд, вливает магнезию, не проверяя ее температуру, правда, Нюра приспособилась к этой работе – и к ней претензии особой нет, но мне кажется, что нельзя же это доверять техничке. Лаборант в это время занят другой работой, берет от больных кровь на исследование. Причем, когда лежишь с зондом, то все время приходят больные, зачастую ставят около тебя мочу, кал на анализ. Разве можно в таких условиях спокойно лежать? Зонды для зондирования грубые, изорванные, это мелочь, но они говорят о невнимательном отношении к больным» (Протокол №3..., 1953, л. 28).

Речь шла, как явствует из текста выступления, о процедурном кабинете, организованном без разделения на функциональные зоны. Кабинет отличало и несоблюдение гигиенических правил, достаточно распространенное в жизни барачной. Отметим также выдающуюся роль технички Нюры, исполнявшей функции медицинского работника средней квалификации.

Обитатели казенных кабинетов по своему внешнему виду соответствовали скорее обитателям барачных, чем должностным лицам. В докладе секретаря парторганизации областного управления МВД читаем:

«Наши офицеры органов МВД не умеют себя держать в общественных и других местах. Они забывают о том, что носят на плечах офицерские погоны. Брюки не проглажены, ботинки не чищены, подворотнички грязные. Допускается такое нарушение формы как ношение валенок» (Кытманов, 1951, л. 176, 178). На службу эти люди одевались так, как привыкли выходить на рынок за продуктами, выносить мусор, выпивать кружку пива «с прицепом» возле ларьков, отпуская алкогольные напитки «распивочно и на вынос» возле заводских проходных, советских учреждений и на трамвайных остановках.

Аналогичной была ситуация в селах, деревнях, заводских поселках. Вот, например, сцена ухаживания колхозного кладовщика за сорокалетней матерью пятерых детей:

«Года 2-3 назад, когда Демид был кладовщиком колхоза, он под предлогом деловых вопросов заманил меня в свой дом, где никого не было, и предложил мне: "Давай заключим договор на любовь, за это тебя и всю твою семью я обеспечу хлебом. Ведь у вас насчет хлеба-то тонко". И долго не выпускал меня из квартиры, держа дверь за скобу. Я не согласилась, а придя домой сказала мужу Ермолаю Савельевичу, последний только сказал мне: "Демид наверно пьян был"» (Протокол..., 1937, л.32–32об.). Обыденность происходящего выдает реакция мужа – все это так же банально, как и бытовое пьянство на субботнике⁹. Ведущий себя как помещик по отношению к крепостной кладовщик – маленький колхозный начальник.

Были в деревне и свои «несуны». В колхозе им. Кагановича супруга пастуха по ночам потихоньку доила коров молочно-товарной фермы, которых охранял ее муж. Она была поймана с поличным бдительной комиссией в тот предрассветный час, когда спешила домой с полутора литрами молока (Акт..., 1937, л. 96–97).

Попытаемся истолковать эти свидетельства и предложить объяснительную модель. Прежде всего перед нами обыденное поведение, определяемая автоматизмом сознания, т.е. определенным типом ментальности. Поэтому такое поведение можно назвать повседневным. Но эта повседневность особенного типа.

Вместо четких границ между большими властными, экономическими и идеологическим институтами («областью конечных значений») и частной («повседневной») жизнью наблюдается сплошная «серая» зона, в которой перемешано то и другое. Ликвидация буржуазного уклада в советской России не прошла даром. Те институты, которые традиционно рассматриваются как места повседневности (семья, дом, потребление, досуг и пр.) подверглись массовой властной интервенции и были открыты для партийной и советской общественности. Но не менее заметен и встречный процесс – спонтанное проникновение повседневных личных (семейных, клановых, патерналистских и др.) отношений в область конечных значений: в политику, производство, на службу.

Тотальная гибридизация повседневности в 30-е – 50-е гг. XX в. точно зафиксирована в языке эпохи. Начальник общается с подчиненными при помощи обценной лексики, а те приходят на службу в «затрапезе» и небритыми, надев валенки вместо положенных по уставу хромовых сапог. Возмущенный внешним видом командного состава директор авиационного завода издает приказ: «Начальнику секретариата тов. Гольдберг запрещаю ко мне на доклад пускать людей небритыми. В столовую лит "А", №1 и №2 запрещаю пускать обедать людей в небритом виде» (Приказ № 222, 1934, л. 330).

Таким образом, все институты повседневности сталинской эпохи необходимо рассматривать как ситуативные агрегации гетерогенных практик, а саму эту повседневность обозначить как агрегатную, т.е. собранную из разнородных элементов: формальных и неформальных, принадлежащих рациональной культуре модерна и извлеченных из традиционных или даже архаических укладов. Такому типу повседневности соответствовали и нормативные порядки, склеиваясь произвольным образом. Характер агрегации не был установлен заранее и ничем не регламентировался.

Термин «агрегатная» выбран нами не случайно. Закрепившееся в науке (не только в гуманитарной) значение концепта «агрегат» отражает механическое, принудительное соединение разнородного; искусственность и невозможность органического единства, что исключает воз-

возможность синтеза его составных частей в какой-либо перспективе. Агрегированные элементы со временем либо распадаются, либо отделяются под влиянием внешнего воздействия, им свойственно стремительное нарастание энтропии. Агрегатное состояние было характерным для советского общества.

Если признать предлагаемую модель обоснованной, то можно сделать несколько выводов методологического характера.

Прежде всего, историк повседневности сталинской эпохи должен учитывать ее экстенсивный характер. Это означает, что в поле его зрения попадают не только домашние практики, но и функционирование больших социальных институтов. Заводская жизнь является такой же сферой повседневности, как жизнь конторская или колхозная. Декларируемое властью стирание граней между городом и деревней имело основание в виде заполнения всего социального поля однотипными практиками деприватизации (в том числе жилищной) жизни – с одной стороны, и приватизацией колхозно-совхозных институций – с другой.

Историк, изучающий социокультурные институты, должен учитывать то обстоятельство, что в нормативный характер их деятельности непрерывно вплетались традиционалистские, аффективные, иррациональные практики, иначе говоря, степень доместикации института. Другими словами, инструкции, приказы, регламенты, издаваемые властью, неизбежно проходили через фильтр повседневности.

Для описания агрегатного характера советской повседневности в сталинскую эпоху целесообразно использовать принцип индивидуации.

Любая историческая методология имеет границы применимости в пространстве и времени, за пределами которых нуждается в ревизии. Предложенная модель может использоваться при изучении советской истории 1930-х – 1950-х гг. – эпохи существования уникального хронотопа: модернизирующегося общества, лишенного автономии приватной жизни.

Примечания

¹ Исследование выполнено О.Л. Лейбовичем за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00221 «Эго-документы: межстолетниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте» (руководитель - Н.В. Суржикова).

² См. избранную библиографию по истории повседневности [Берендс, 2015, с. 265–271].

³ «Surtout, le quotidien peut devenir le terrain sur lequel le sujet individuel, et les petits groupes qui encadrent ses activités régulières, situent leur débat ou leur affrontement avec la société globale» [Balandier, 1983, p. 15].

⁴ Читаем у А.С. Пушкина: «Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно. Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе, не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники. Но знаю, что этого быть не может; а свинство уже давно меня ни в ком не удивляет» [Пушкин, 1986, с. 57].

⁵ В партийном бюро областного управления милиции вызовом общественной морали со стороны двух партийцев, наряду с аборт, стала совместная встреча Нового года в публичном месте. «Т. Егоров: вы встречали новый год вместе с Р.? В.: В 1949 году встречали в Доме Советской Армии, он заказывал столик» (Протокол №6..., 1951, л. 51).

⁶ 10 августа 1940 г. был принят указ «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство». Пункт первый этого Указа гласил: «Установить что так называемая мелкая кража», независимо от ее размеров, совершенная на предприятии или в учреждении, карается тюремным заключением сроком на один год, если она по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания» (Об уголовной ответственности..., 1940). 4 июня 1947 г. был принят новый указ, тогда не опубликованный, предусматривающий наказание за то же самое преступление до 10 лет лишения свободы. «По секретному распоряжению Совета министров СССР действие указа от 4 июня 1947 г. было распространено и на мелкие кражи на производстве во изменение ранее действовавшего указа от 10 августа 1940 г. "Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство". По этому неопубликованному указанию рабочие и служащие приговаривались за мелкие кражи не к году лишения свободы, как было раньше, а к 7-10 годам» (Zima, 1994, p. 769).

⁷ Начальник областного управления милиции стыдил на заседании партийного бюро сотрудницу: «Товарищ Ст-ая, смотрите, какой у Вас разговор – свиньи, скотина, не буду лизать, ведь Вы же женщина». Та оправдывалась: «Скотинной я его не обзывала, свинство сказала». Ее объяснений не приняли: «Вы, види-

мо, считаете, что оскорбление есть естественное дело» (Протокол №6..., 1955, л. 30). К тому времени выяснилось, что не только женщине нельзя браниться, но и для руководителя обценный язык тоже является неприемлемым: «Допускать мат заместителю начальника управления – это некультурно. <...> Аппарат наш вырос — и руководителю говорить с работником матом нельзя». [Протокол, 1955, 1948,]

⁸ «Более того, злоупотребляя предоставленными правами, они используют государственные автомашины, работающие на гос.бензине, они ездят на них, особенно в летний период, за город, на охоту, в лес, за грибами и т.д. и т.п. В любой воскресный день лета в городке чекистов можно наблюдать, как утром вереница машин выезжает с такими начальниками и их домашней челядью, а вечером возвращается. В это неблагоприятное дело никто не вмешивается, а вмешаться следовало бы» (Протокол №4..., 1955, л. 47).

⁹ «15/VIII – 37 в колхозе «Хлебороб» был организован субботник, участниками этого субботника были Васильев, б/учитель, снятый за развал школьной работы и пьянку, и секретарь с/совета Окунцев, вместе с другими колхозниками были оба напоены брагой, после этого продолжали пить на свои деньги и сегодня 16/ VIII – 37 ходят целый день пьяные» (Пояснения..., 1937, л. 129).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство: Указ Верховного Совета СССР от 10 08 1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. №28(91). 22 августа.

Акт комиссии колхоза им. Кагановича Журавлевского сельсовета 25 07 1937 // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д.16935. Л. 96–97.

Кытманов (Б.И.) Текст доклада т. Кытманова на партийном собрании 6 декабря 1951 //ПермГАСПИ. Ф.1624. Оп.1. Д.99. Л.159–188.

Пояснения Зубарева Ф.Т. о положении дел в колхозе «Хлебороб» в с. Межовка. Записал сотрудник Ординского РО НКВД Шабаршин 16 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д.16935. Л. 129.

Приказ №222 по заводу № 19 НКТП. 27 10 1934 г. // ГАПК. Ф. Р–1655. Оп.1.Д.19. (Подлинные приказы по заводу.) Л. 330.

Протокол допроса свидетеля Агеевой И.Л. 9 08 1937г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2, Оп. 1, Д. 27754. Л. 32–32 об.

Протокол №6 партийного бюро парторганизации УМ. 26 12 1951 //ПермГАСПИ. Ф.1624. Оп.1. Д.40. Л. 41–61.

Протокол №1 общего партийного собрания парторганизации Управления милиции. 3 01 1952 // ПермГАСПИ. Ф.1624. Оп.1. Д.44. Л. 1–61.

Протокол №3 открытого партийного собрания парторганизации УМВД . 26 02 1953//ПермГАСПИ. Ф.1624. Оп.1. Д.113. Л. 16–35.

Протокол №32 заседания бюро <Молотовского> обкома КПСС от 13 марта 1953 г.//ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп.20. Д.41.Л.1–32.

Протокол №30 заседания партийного бюро Облуправления милиции. 2 07 1953 //ПермГАСПИ. Ф.1624. Оп.1. Д.44. Л. 146–149.

Протокол №3 заседания бюро Ленинского райкома КПСС г. Молотова. 21 07 1953 //ПермГАСПИ. Ф.78. Оп.14. Д.40. Л. 59–91.

Протокол №5 партийного собрания парторганизации Управления МВД по Молотовской области. 15 12 1953//ПермГАСПИ. Ф.1624. Оп.1. Д.113. Л. 141–147.

Протокол №4 общего партийного собрания парторганизации областного управления милиции. 9 03 1955 // ПермГАСПИ. Ф.1624. Оп.1. Д.49. Л. 44–57.

Протокол заседания партбюро парторганизации УМВД. 19.04.1955 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 154. Л. 46–48.

Протокол №15 заседания партийного бюро парторганизации областного Управления милиции. 15 06 1955 // ПермГАСПИ. Ф.1624. Оп.1. Д.50. Л.112–120.

Протокол № 10 заседания партийного бюро УМВД по Молотовской обл. 14.02.1956 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 130. Л. 40–41.

Протокол №9 заседания партбюро Пермского областного управления милиции. 12.11.1960 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 154. Л. 77–81.

Библиографический список

- Аннинский Л.* Монологи бывшего сталинца // Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С. 54–80.
- Берендс Я.К. (ред) Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы. М.: Полит. энциклопедия, 2015. 271 с.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 322 с.
- Волков В.В.* Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации// Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: Б.и., 1997. С. 323–332.
- Зубкова Е.Ю.* Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3. С. 157–167.
- Кабацков А. Н.* Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику А. Дмитриева. 1946–1953) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2015. С. 183–192.
- Казанков А.И.* Время местное. Хроники провинциальной повседневности. Пермь: Б.и., 2016. 163 с.
- Казанков А.И., Лейбович О.Л.* Понять повседневность: эвристический потенциал концепции в исследованиях советской эпохи // Вестник Пермского университета. История. 2017. Вып.3 (38). С. 82–88.
- Козлова Н.* Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа. 2005. 527 с.
- Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 1999. 320 с.
- Лейбович О.Л.* Дом о трех этажах, или как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Время «веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. Пермь: Б.и., 2009. С. 250–264.
- Лейбович О.Л.* «Недурно бы получить сколько-нибудь премии...» Советский рабочий наедине с дневником (1941–1955) // ШАГИ/Steps. 2017. №3(1). С.114–135.
- Мудрова И.А.* Великие истории любви. 100 рассказов о большом чувстве. URL: <https://biography.wikireading.ru/206721> (21 05 2019).
- Орлов И.Б.* Советская повседневность. Исторический и социологический аспект становления. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
- Пушкарева Н.Л.* «История повседневности» как направление исторических исследований. URL: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm] (19 05 2019:).
- Пушкин А.С.* Письма к жене. Л.: Наука, 1986. 259 с.
- Смоляк О.А.* Советские несунуны // Отечественные записки. 2012. №1 (46). С. 311–318.
- Филиппов А. Ф.* Актуальность философии Томаса Гоббса (часть 1) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2009. Т. 53, № 2. С. 141–157;
- Филиппов А. Ф.* Актуальность философии Томаса Гоббса (часть 2) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2009. Т. 55, № 4. С. 158–172.
- Чегодаева М.* Два лика времени (1939: один год сталинской эпохи). Москва: Аграф, 2001. 333 с.
- Щюцц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А. Я. Алхасова. М.: Б.и., 2003. 336 с.
- Элиас Н.* О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М., СПб.: Университетская книга, 2001. 336 с.
- Янковская Г.А.* Искусство, деньги и политика. Пермь: Б.и., 2007. 312 с.
- Zima V. F.* Голод и преступность в СССР 1946–1947 гг. // *Revue des études slaves.* 1994. № 4, t. 66. P. 757–776.
- Balandier G.* Essai d'identification du quotidien // *Cahiers internationaux de sociologie.* 1983. janvier–juin, vol. 74. P. 5–15.
- Dunham V.* In Stalin's Time. Middle-Class Values in Soviet Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 319 p.

Fitzpatrick Sh. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–34. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. 355 p.

Fitzpatrick Sh. On Stalins Team. The Years of living in soviet politics. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2015. 364 p.

Maza S. Private Lives and Public Affairs: The Causes célèbre of prerevolutionary Frances. Berkeley: UCP, 1993. xii, 354 p.

Rittersporn G. Stalinist Simplifications and Soviet Complications. Social Tensions and Political Conflicts in the USSR. Philadelphia: Harwood Academic Publishers, 1991. 334 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 13.04.2019

AGGREGATED EVERYDAY LIFE IN THE STALIN'S ERA: TO THE DEFINITION OF THE PROBLEM

A. I. Kazankov

Perm State Institute of Culture, Gazety Zvezda str., 18, 614045, Perm, Russia
tokugava2005@rambler.ru

O. L. Leibovich

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Kovalevskoy str., 16, 620990, Yekaterinburg, Russia
oleg.leibov@gmail.com

The article deals with methodological problems of the research of Soviet everyday life of the 1930s – 1950s. The genealogy of the concept of everyday life by Schütz, Berger and Luckmann is considered. The concept singles out everyday life from the areas of finite values and gives it the status of a higher reality. This image of everyday life could take shape only in conditions of a firmly established bourgeois way of life, subjected to state intervention in the era of wars and revolutions. That is why the concept of everyday life has been used for the apology of the private sphere as a source of rationality, tradition, meaning, and stability. This concept needs to be revised to characterize Soviet everyday life. In Soviet society, after the collapse of NEP, private space had been gradually shrinking. Thus, the space of everyday life was fundamentally restructured. Two mutually complementary processes were unfolding: the publication of the intimate and personal and the domestication of large social institutions. It illustrates situationality and arbitrary combination of heterogeneous social practices. It is proposed to consider the everyday life of the Stalin epoch as extended, in its most adequate definition - aggregated. Methodological principles derived from this definition are formulated in the paper. The first is addressed to researchers of everyday life: its analysis extends to the studies of big social institutions. To the extent they are domesticated, they do not always become part of everyday routine of a rational type. The second conclusion is addressed to supporters of the institutional approach to the studies of Soviet reality: while studying sociocultural institutes, the researcher should take into account the effect of traditional, or archaic, cultures: tribalism, nepotism, clanism, paternalism, etc.

Key words: Soviet era of the 1930s – 1950s, big social institutions, everyday practices, aggregate daily life, research strategies, principles of study.

References

Anninskiy, L. (1989), “Monologues of the ex-stalinist”, in *Osmyslit' kul't Stalina* [To comprehend Stalin's cult], Progress, Moscow, USSR, pp. 54–80.

Balandier, G. (1983), “Essai d'identification du quotidien”, *Cahiers internationaux de sociologie*, Janvier-juin, Vol. 74, pp. 5 – 15.

Behrends, J.C. (ed.) (2015), *Povsednevnyaya zhizn pri sotsializme. Nemetskiye i rossiyskiye podkhody* [Daily life in socialism. German and Russian approaches], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 271 p.

Berger, P. & T. Lukman (1995), *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge], «Academia-TSentr», «Medium», Moscow, Russia, 322 p.

Chegodayeva, M. (2001), *Dva lika vremeni. (1939: odin god stalinskoy epokhi)* [Two faces of time. (1939: one year of the Stalinist era)], Agraf, Moscow, Russia, 333 p.

Dunham, V. (1976), *In Stalin's Time. Middle-Class Values in Soviet Fiction*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 319 p.

Elias, N. (2001), *O protsesse tsivilizatsii: Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya* [The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations], Universitetskaya kniga, Moscow – St. Petersburg, Russia, 336 p.

- Filippov, A.F. (2009), "The relevance of Thomas Hobbes' philosophy (part 1)", *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz*, № 2 (53), pp. 141-157.
- Filippov A.F. (2009), "The relevance of Thomas Hobbes' philosophy (part 2)", *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz*, № 4 (55), pp. 158-172.
- Fitzpatrick, Sh. (1979), *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921—34*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 355 p.
- Fitzpatrick, Sh. (2015), *On Stalin's Team. The Years of living in Soviet politics*, Princeton University Press, Princeton and Oxford, USA – UK, 364 p.
- Kabatskov, A.N. (2015), "Life of the Soviet worker in the late Stalin era (according to Dmitriev's diary. 1946 - 1953)", in *Sovetskoe gosudarstvo i obschestvo v period pozdnego stalinizma. 1945 - 1953 gg.* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945 - 1953], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 183–192.
- Kazankov, A.I. (2016), *Vremya mestnoe. Khroniki provintsial'noy povsednevnosti* [It's local time. Chronicles of provincial daily life], Izd-vo PGIK, Perm, Russia, 163 p.
- Kazankov, A.I. & O.L. Leibovich (2017), "To understand everyday life: the heuristic potential of the concept in Soviet-era research", *Vestnik Permskogo un-ta. Istoriya*, № 3 (38), pp. 82–88.
- Kozlova, N. (2005), *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history], Izdatelstvo «Evropa», Moscow, Russia, 527 p.
- Lebina, N.B. (1999), *Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920 – 1930 gody* [Daily life of the Soviet city: norms and anomalies. The 1920s – the 1930s], Zhurnal «Neva» - Izdatelskiy dom «Letniy sad», St. Petersburg, Russia, 320 p.
- Leibovich, O.L. (2009), "A three-storey house, or how to study the everyday life of the late Stalin era", in *Vremya «veselogo soldata»: tsennosti poslevoennogo obschestva i ih osmyslenie v sovremennoy Rossii* [The time of the "merry soldier": the values of post-war society and their interpretation in modern Russia], w.p., Perm, Russia, pp. 250–264.
- Leibovich, O.L. (2017), "“It wouldn't be a bad idea to get any bonuses...” Soviet worker in private with diary (1941-1955)", *ShAGI/Steps*, № 3(1), pp. 114–135.
- Maza, S. (1993), *Private Lives and Public Affairs: The Causes célèbre of prerevolutionary Frances*, UCP, Berkeley, USA, 354 p.
- Mudrova, I.A. (2013), *Velikie istorii lyubvi. 100 rasskazov o bol'shom chuvstve* [Great love stories. 100 stories about a great feeling], available at: <https://biography.wikireading.ru/206721> (accessed 21.05.2019).
- Orlov, I.B. (2010), *Sovetskaya povsednevnost'. Istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekt stanovleniya* [Soviet everyday life. Historical and sociological aspect of formation], Izdatelskiy dom Gosudarstvennogo universiteta — Vysshey shkoly ekonomiki, Moscow, Russia, 317 p.
- Pushkareva, N.L. (w.d.), «*Istoriya povsednevnosti*» kak napravleniye istoricheskikh issledovaniy ["The History of Everyday Life" as a trend of historical research], available at: http://www.perspektivy.info/history/istoriya_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovaniy_2010-03-16.htm (accessed 19.05./.,019).
- Pushkin, A.S. (1986), *Pis'ma k zhene* [Letters to your wife], Nauka, Leningrad, USSR, 259 p.
- Rittersporn, G. (1991), *Stalinist Simplifications and Soviet Complications. Social Tensions and Political Conflicts in the USSR*, Harwood Academic Publishers, Philadelphia, USA, 334 p.
- Shuts, A. (2003), *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology], Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», Moscow, Russia, 336 p.
- Smolyak, O.A. (2012), "Soviet thieves", *Otechestvennyye zapiski*, № 1 (46), pp. 311–318.
- Volkov, V.V. (1997), "Soviet civilization as a daily practice: opportunities and limits for transformation", in *Kuda idet Rossiya? Obshcheye i osobennoye v sovremennom razvitii* [Where is Russia going? General and special in modern], w.p., Moscow, Russia, pp. 323–332.
- Yankovskaya, G.A. (2007), *Iskusstvo, den'gi i politika* [Art, money and politics], Izd-vo PGU, Perm, Russia, 312 p.
- Zima, V. F. (1994), "Hunger and crime in the USSR 1946-1947", *Revue des études slaves*, v. 66, № 4, pp. 757–776.
- Zubkova, E.Yu. (2011), "Privacy in the Soviet era: historiographical rehabilitation and prospects for study", *Rossiyskaya istoriya*, № 3, pp. 157– 67.